

Еще одна причина, как мне видится, состоит в недоиспользовании в учебном процессе возможностей истории социологии. К сожалению, в большинстве вузов она подается как история содержательных идей в отрыве от методологических, эпистемологических проблем, которые всегда идут рука об руку с проблемами содержательного плана. Вместе с тем, «поворот к методологии» в преподавании истории социологии мог бы сделать теоретические баталии XIX–XX веков насущно необходимыми сегодняшним социологам, поднять их интерес к методологическому знанию в целом.

Немаловажным мне представляется и отсутствие публичных научных обсуждений, посвященных методологическому знанию, в рамках которых обсуждались бы дискуссионные проблемы каждой из существующих методологий социологического исследования. Правда, появившаяся в последнее время на сайте РОС оживленная дискуссия, посвященная, в том числе, и методологическим проблемам, оставляет надежду.

Партисипаторная стратегия работы с визуальными данными

Богданова Наталья Михайловна,
Самарский государственный университет

Известно, что любой визуальный объект, в том числе и отраженный в фотографии, может быть полисемантическим. Знаменитый американский поэт Уолт Уитмен писал: «Я не сомневаюсь, что в самых тривиальных вещах <...> заложено больше, нежели я предполагал»¹. Даже притом, что, как правило, социальные фотогафы и классические фотогафы-реалисты стремятся к наиболее точному воспроизведению жизненных явлений, каждый человек, рассматривающий впоследствии фото, сознательно или бессознательно видит в этих явлениях собственные смыслы.

Пожалуй, насколько богато и разнообразно всё визуальное в нашей жизни, настолько разнообразны и исследовательские подходы к анализу визуальных образов. Методологически на сегодняшний день в социологии нет какой-то единой, стройной процедуры изучения образов. Поэтому социологам при анализе и интерпретации изображений пока, как правило, приходится прибегать к традиционным методам искусствоведения, семиотики, культурной антропологии и этнографии.

Тем не менее, довольно четко прорисовываются два направления использования визуальных данных: (1) как самостоятельный инструмент сбора первичной информации, когда социолог сам, вооружившись камерой, выходит в исследовательское поле, (2) как документы, когда исследователь анализирует уже готовые, сделанные кем-то другим, снимки и видео, содержащие и отражающие то или иное социальное явление.

Маркус Бенкс и ряд других ученых выделяют и третий вид визуальной регистрации: совместную (коллаборативную² или партисипаторную³) репрезентацию. На наш взгляд, такую совместную репрезентацию корректнее рассматривать скорее как особую исследовательскую стратегию, в рамках которой могут протекать оба указанных подхода к визуальным данным.

Таким образом, перед исследователем открываются три потенциально возможных способа работы с визуальным: изучение общества посредством создания образов, изучение образов для получения информации об обществе и сознательное сотрудничество с объектом исследования или другими группами людей в процессе производства и анализа визуальных репрезентаций.

Первое направление исторически можно назвать самым ранним, поскольку с момента изобретения фотоаппарата, уже в конце 19 века фотографии стали активно использоваться антропологами, как отмечает М. Бенкс, в качестве «визуального блокнота» (visual notebook), при регистрации аспектов материальной культуры, созданной отдельными общностями. А с созданием в 1895 году портативной видеокамеры подобную функцию стали выполнять и документальные видеоленты. В наши дни интерес исследователей составляет уже не только фиксируемая на

¹ Зонтаг С. О фотографии // Мир фотографии / Сост. В. Стигнеев, А. Липков. М.: Планета, 1998.

² Banks M. Visual methods in social research. London: Sage, 2001.

³ Ярская-Смирнова Е., Романов П. Взгляды и образы: методология, анализ, практика // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009.

плёнку культура или общество, но и сам процесс создания фото и видео, выбор того или иного ракурса, реакция людей-объектов съёмки, соответствующий контекст. Одним словом, всё то, что прямо и косвенно сопутствует созданию конкретного кадра. Ибо «съёмка — событие само по себе»¹.

В российской социологической практике исследований такого рода, когда исследователь сам с помощью фото- и видеокамеры фиксирует те или иные феномены общественной жизни, пока не так много, хотя постепенно и наши социологи начинают брать в руки камеру. Куда больше наших соотечественников работает в рамках второго направления использования визуальных данных. На сегодняшний день исследования визуального в среде российских социологов — это, чаще всего, работа с уже готовыми, не созданными лично исследователем, фото- и видеоизображениями. Активно используются материалы семейных фотоальбомов, фотографии в популярных изданиях нынешних и прошлых лет, художественные фильмы.

Коллаборативная (collaborative), или партисипаторная стратегия работы с визуальными данными представляет собой случай, когда сами представители изучаемой социальной группы включаются в креативный процесс исследования, активно сотрудничают с исследователем, порой акцентируя его внимание на тех или иных фактах и сторонах изучаемого феномена. В то же время коллаборативная стратегия фокусируется не только на совместном сборе и анализе данных, но в некоторых случаях ещё и оказывает специфическое воздействие на реальность, способствуя пересмотру сложившиеся в той или иной области практики². Так Е. Ярская-Смирнова и П. Романов приводят в пример то, как пациенты начинают обучать врачей посредством визуальных нарративов, а дети, фотографируя «опасные» и «безопасные» места внутри и вокруг школы, убеждают администрацию и сотрудников ЮНИСЕФ в необходимости реорганизации пространства.

Считается, что впервые такая партнерская, коллаборативная, работа с фотографиями появилась в 1972 году, и применили её американские антропологи Сол Ворт и Джон Адейр. Они раздали фотоаппараты представителям племени навахо, провоцируя спонтанные снимки, представляющие мир глазами местного сообщества³. Этот способ работы с визуальными источниками информации практически не представлен на сегодняшний день в российской социологической практике, но очень активно развивается за рубежом.

Одним из наиболее ярких и интересных исследовательских опытов в русле данной стратегии является работа английской исследовательницы Элизабет Чаплин⁴. Она фотографировала каждый дом и большинство жителей одной из лондонских улиц, где сама проживает, чтобы собрать этнографические данные об обычной повседневной жизни и культуре Соединенного Королевства, зафиксировать своеобразный срез жизни 2000-го года (“slice of life in the year 2000”, по выражению автора). Затем исследовательница просила людей, которых сфотографировала, написать заголовок к их фото. А по завершению этапа сбора фотографий Чаплин организовала встречу, где жители улицы, участвовавшие в исследовании, могли бы обсудить сам проект. Элизабет Чаплин сделала большое количество собственных полевых записей о проекте, которыми поделилась с некоторыми из жителей. Все исследовательские методы, цели и теоретически разработки, по её словам, были взаимосвязаны в проекте. При этом, обращенный к единой цели, определенный исследовательский интерес сдвигался, как только обнаруживались новые моменты в процессе изучения.

Так как исследовательница фотографировала жителей непосредственно у входа в их дома с желательным присутствием всех членов семьи, одними из ключевых моментов визуального анализа становились особенности расположения жителей относительно пространства дома и относительно других членов семьи во время съёмки. Некоторые из жителей (жители 6-ти домов из 36-ти попавших в проект) отказались фотографироваться, но позволили запечатлеть парад-

¹ Зонтаг С. Цит. соч.

² Ярская-Смирнова Е., Романов П. Цит. соч.

³ Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / Пер. с польск. Н.В. Морозовой; вступит. ст. Н.Е. Покровского. М.: Логос, 2007.

⁴ Chaplin E. The Photograph in Theory // Sociological Research Online, Volume 10, Issue 1. <<http://www.socresonline.org.uk/10/1/chaplin.html>>.

ную дверь дома, что тоже стало своеобразным результатом и предметом последующих интерпретаций. Также не все жители ответили на просьбу подписать свою фотографию, это сделали 27 человек из 30 сфотографированных, причем 18 из них разрешили использовать их настоящие имена.

Визуальные и вербальные материалы, которые Чаплин собрала и сделала доступными для читателя, составляют ценный аспект социологической практики в изучении повседневности. В анализе фотографий, заголовков, и своих полевых заметок Элизабет Чаплин ссылается на концепции, изложенные в работах Ирвинга Гофмана, Стюарта Холла¹ и др. Так, например, следуя концепции Гофмана, Чаплин рассматривает возможность группировки фотографии в соответствии с различным визуальным отображением гендерного неравенства. Или, согласно концепции Холла, обдумывает группировку фото в зависимости от того, как различные типы заголовков производят визуальное значение (visual meaning).

Э. Чаплин признаёт, что ценным источником информации стали партнерские, коллаборативные отношения с людьми, ставшими объектом её съёмки. На протяжении всего времени, пока шло исследование (2000–2002 годы) автор проекта поддерживала связь с участниками фотосъёмки. Заголовки жителей к своим фотографиям и их личная интерпретация получившихся изображений существенно помогали исследовательнице в её собственном анализе фотографий. И хотя при этом Элизабет Чаплин соглашается с И. Гофманом в том, что значение образа никогда не может быть указано абсолютно точно, для себя наиболее интересным она считает не сами значения, а то, как они меняются и формируются.

Другой пример коллаборативного создания визуальных репрезентаций — проект группы американских исследователей, изучающих работающих подростков². Основной их задачей, по словам самих исследователей, было внести вклад в дискуссию о роли фотографии в социологическом исследовании. В своём проекте авторы сочетали создание фотографий о трудовой жизни подростков с традиционными социологическими методами: интервью, фокус-группой и анализом письменных дневников. Но, главной особенностью данного исследования было то, что социологи не только сами вели фотосъёмку, но и выдали простые фотокамеры с фиксированной фокусировкой самим изучаемым ими подросткам, то есть сами подростки становились уже активными участниками процесса (active participants), а не просто пассивными субъектами (passive subjects). При этом исследователи рассматривали как данные микроуровня, так и макроуровня, содержание, и форму полученных визуальных данных. А в заключении изучали соответствие и разобщение между визуальными данными и другими формами данных, оценивая использование фотографии, как инструмента в развитии социологического понимания детской занятости.

Фотоматериалы, собранные исследователями в процессе съёмки, как отмечают сами авторы, имели тенденцию подтверждать письменные и устные отчеты о содержании работы подростков и природе рабочих мест, приводя визуальное доказательство той информации, которую социологи начали собирать посредством привычных, не визуальных, способов и методов. Однако с помощью фотографий, которые представили сами подростки, исследователи открыли для себя такие ракурсы и сюжеты рабочих мест, которые не замечали до сих пор и которые обычно не видят посетители. Некоторые из этих объектов съёмки были, несомненно, новыми данными для авторов проекта: материальная окружающая обстановка рабочих мест молодежи (инструменты, оборудование), коллеги и постоянное внутреннее устройство их ежедневных или еженедельных трудовых будней. Так же отсутствие людей и «действия» на некоторых из фотографий стало столь же существенным, как и зафиксированные фотографом интеракции.

Кроме того, сама форма изображений показала относительную беспомощность подростков на работе. Многие фотографии были схвачены, не только как стоп-кадр активной сцены, но также и в процессе проведения скрытой съёмки. Несколько подростков решили не принимать

---

¹ Goffman E. Gender Advertisements. New York : Harper & Row, 1979; Representation: Cultural Representations and Signifying Practices / Ed. by Stuart Hall. London; Thousand Oaks, Calif.: Sage; the Open University, 1997.

² Bolton A., Pole C., Mizen P. Picture This: Researching Child Workers // Sociology. Vol. 35. No. 2. P. 501–518. (<http://club.fom.ru/books/bolton.pdf>)

участия в фотографической стадии исследования, боясь, что создание фотографий могло бы подвергнуть опасности их занятость. Некоторые, из тех, что согласились сделать фотографии, возвратили камеры только с одним или двумя кадрами, так как работодатели попросили их прекратить фотосъемку. В таких ситуациях именно это отсутствие фотографий уже начинает говорить об опытах работы детей, предоставляя возможность проникнуть в суть властно-управленческих отношений, которыми регулируется трудовая занятость подростков.

Особенностью коллаборативной стратегии является то, что при ней, как правило, исследователю приходится открыто заявлять истинную тему исследования респонденту, чтобы подтолкнуть его к осмысленному контакту. Ведь, по сути, в данном случае исследователь и респондент должны стать равноправными партнерами, естественно, насколько это возможно, учитывая изначально разную их мотивацию к участию в исследовании. Необходимо постараться уяснить, что респондент действительно понял тему визуального анализа и расставил правильные акценты. От этого зависит качество результата совместной работы. В то же время исследователю на начальном этапе коллаборативной работы нельзя излагать респондентам свои личные оценочные суждения, намекать, как бы оценил ту или иную фотографию он сам.

Задачи в рамках партисипаторной стратегии могут быть следующими: (1) выяснить, совпадают ли выделенные исследователем особенности изучаемых визуальных репрезентаций, и (2) определить, насколько схоже считаются смыслы, скрытые за визуальными данными. Решение этих задач, в свою очередь, позволит узнать, являются ли принятыми, разделяемыми и понятными те или иные представленные в повседневной жизни визуальные послы. А это уже даст основания говорить о наличии устоявшихся в данном обществе визуальных стереотипах, нормах и идеалах.

Безусловно, партнёрские отношения исследователей с социальными акторами в процессе создания визуальных репрезентаций, способны предоставлять социологам доступ к более широкому спектру данных и более глубоко раскрывают сам изучаемый социальный процесс. При этом, как отмечают исследователи, работающие в данной стратегии (Э. Чаплин, А. Болтон и др.), у этого способа есть исключительный потенциал: когда участники исследования фотографируют, исследователь не знает, как будут развиваться данные, и поэтому не является окончательным повелителем формы или содержания¹.

Наконец, всегда возможна ситуация, когда исследователь, длительное время работающий с определенными снимками, рассматривающий их сквозь свою исследовательскую призму, может, что называется, приглядеться и не замечать важных деталей. В данном случае вмешательство аутсайдера способно повысить остроту зрения исследователя, а вместе с тем, с одной стороны, существенно обогатить исследовательские интерпретации, а, с другой стороны, осуществить своего рода триангуляцию выводов.

Альбомная культура девичества: опыт анализа одного жанра

Дементьева Екатерина Александровна,

Уральский государственный педагогический университет

Современная школьная девичья альбомная традиция, традиция письменного фольклора является наследием альбомной культуры прошлого. Альбомная культура XIX века (а именно альбомы барышень, которые являлись неотъемлемой частью салонной культуры²), альбомы воспитанниц гимназий, альбомы советских школьников и, позже, российских школьниц неоднократно становилась предметом научных изысканий. Исследованию этого феномена уделено достаточно внимания и историками, и фольклористами, и исследователями детства. В работах подробно описан жанровый состав альбомов и отмечены особенности их оформления, характерные для этого документа в разные исторические периоды его бытования. Эти особенности непосредственно связаны как с массовизацией альбомной традиции на первых стадиях ее развития, что, по словам В.Э. Вацура, приводит к формированию своеобразного «альбомного фолькло-

---

¹ Ibidem.

² См. например: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 241.